

ЕВГЕНИЙ
ПОПОВ

ЧЕТЫРЁХГОРКА

Евгений Александрович Попов

Четырёхгорка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24784427

Четырёхгорка. Рассказы/ Попов Е.: Геликон Плюс; Санкт-Петербург ;

2016

ISBN 978-5-93682-714-3

Аннотация

Оригинальная проза петербуржца Евгения Попова – это и калейдоскоп, и своеобразные литературные пазлы. Составлены они из сколов, сценок и размышлений о смысле нашей жизни. Неожиданные повороты, парадоксы и даже абсурд органично уживаются с лирическим мироощущением писателя. Книга обращена к читателю, открытому к взаимодействию с автором. По существу это живая проза, доверительный разговор, диалог.

Содержание

От автора	4
Чересполосица	8
Боты	29
Колодец	29
Пара первая	29
Боты непарные	31
Она	32
Отбросив боты	35
Двое с дождём	36
Встречка	37
Гость	37
Тоталитарная жилка	38
Музейный работник	41
Здравствуй, Я!	43
Разговор	47
Кусочек торта	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Попов

Четырёхгорка

От автора

Откуда появляется знание? Одно накапливается постепенно, по мере жизни, другое выпадает, как золотой дождь. То же можно сказать о прозе. Это метафорическое признание, но это правда. Зачем человек бросается к пишущей машинке, авторучке или клавиатуре? Зачем вдруг открываются тёплые слова? Они сцепляют свои детские ручки и танцуют, забирая наше внимание, нашу любовь, и хотя всё временно, преходяще, но радость единения не покидает. И это единение с языком, бытием, с этой танцующей кавалькадой слов вначале поражает, а потом появляется течение, без которого нет жизни. Его ощущаешь, его не боишься. Боишься только потерять эту зыбкую опору, эту меру риска, без которой легко уйти на дно или разбиться, прыгнув из самолёта без парашюта.

И это наш карнавал, зовущийся родной речью, наше всё. Можно сколько угодно иронизировать по этому поводу, но посмотрите, как мы живём в языке и хоть подсмеиваемся над краснобаями, но как снисходительны к ним, как они привлекают наше внимание и с каким завораживающим чувством

слушаем в минуты народных волнений азартно жестикулирующих витий. И как сосредоточенно постигаем слова истины, вложенные в уста пророков и вождей во времена тяжёлых испытаний и войн.

Эта книжка уже обошлась мне в 500 рублей. Когда составлял её, задумался так глубоко, что, сняв в банкомате 500 рублей, забыл их вынуть из его щели. Хорошо хоть карту банковскую забрал!

Погрузившись в книгу ещё глубже, в этот вертящийся раскол взрывоопасностей, я всё понял.

Выход найден! Я расскажу вам всю правду.

Меня переполняет гремучая смесь из Проханова, Чехова, Зощенко, Лимонова и меня. Она качается во мне и набирает силу. Я устанавливаю часовой механизм и бегу в густонаселённый район. Я хочу, чтобы площадь поражения была больше. Я точно знаю, что разрядить меня уже нельзя. Взрыв неотвратим. Я не похож на пилота, спасающего город от падения горящего самолёта. Я похож на террориста. Мои глаза округляются, становятся глубокими и непроницаемыми.

Вот-вот бабахнет, вот-вот начнётся полёт, от которого встрепенётся читатель. Он же и восхитится. Он запомнит моё имя. Он прочтёт каждую мою строку. Он, как ищейка, вынюхает все мои запахи, истолкует каждый мой взгляд и каждый мой комментарий в Живом Журнале и Фэйсбуке.

И даже тот, кто за глаза называл меня неудачником, вздох-

нёт завистливо и станет писать мемуары, выискивая в моих поступках только ему видимые приметы будущего непримиримого.

После всего происшедшего я вдруг начну наливать соками земли. По моим жилам потечёт густая шельфовая нефть Северного Ледовитого океана. Голос мой станет слышен и на большом расстоянии, пусть я даже буду шептать слова «слава КПСС» или текст из руководства к соковыжималке. Жириновский попытается похлопать меня по плечу, но, не дотянувшись, похлопает по бедру и доверчиво ткнётся головой в моё колено.

При упоминании некоторых имён мои друзья затихают, а одна знакомая дамочка хлопнулась в обморок. А я ничего, привожу всех в глубоко дышащее состояние, щёлкаю кого-то по щекам, делаю искусственное дыхание. Они иногда пытаются обижаться, думают, что я даю им пощёчины. Но после интенсивной мозговой клизмы почти со всем соглашаются, потом вдруг взбрыкивают в прощальной тоске и принимают мои предложения. Хотя на словах не соглашаются никогда. Но глаза их выдают. Я вижу, как им жалко расставаться с иллюзиями прежних лет. Жалеючи, я не принуждаю их к чистосердечному признанию. Я их просто приговариваю принять это как должное. Они нехотя идут на подобный расстрел, строят мне фиги и козы морды. Но я не могу, продираясь через дождь, жалеть падающие капли. Всё, ребята! После взрыва летят осколки. Ловите их. Приходите ко

мне. На месте взрыва я выстрою космодром и буду осуществлять коммерческие запуски на доступных условиях. Предлагаю полетать в хорошей компании со мной.

Написал я тут всяких наглостей и подумал: а ну как разочаруются? Так наша жизнь цепь сплошных разочарований. Этим никого не удивишь. Сам себе так и ответил. И добавил: а может кого-то эта книга и вдохновит!

И ещё. Если начало книги вызовет недоумение, начните читать её с середины или с последней трети. Тогда нам легче будет договориться.

А если кто-то захочет найти меня – ищите в Петербурге.

Чересполосица

Простое решение

Сейчас сразу все зацепятся: а кто дело будет заводить? На героя моего? Каждый и будет. Каждый сам в себе. У каждого в организме есть предмет один. Только спит он у многих. Надо, чтобы каждый будильник свой внутренний завёл – и проснулся по будильнику. И за дела! Возможно, этот будильник совестью зовётся.

И ведь каждый хочет заделаться свободным героем. Иначе должности не будет.

Ведь и в жирном городе, даже иссушенном геометрией, но всё равно неряшливом, в томном пространстве, иссвеченном и оплаканном, в трюмах автомобилей и паштете неразличимой речи есть места, где бьют родники, где любой ласковый взгляд замечен, где любая картавинка мила, где родинка – это примета.

Бьётся родник. Радует сердце.

Обихоженный родничок приятен вдвойне. Такая вот сопливинка и слёзка ребёнка.

Но вот уже читатель и сюжет требует. Будет сюжет. Но чуть позже. Надо же вас подготовить к моим безобразиям.

Из дневника неуравновешенного человека

Зачем этот звук такой острый? Как он прокалывает тряпочку сознания, будит другие звуки, загоняет сон в клетку, требует повиновения... «Пиу-пиу!» – плачет металл. Его иголки напоминают печаль по чужой женщине, по жизни, проходящей без главного героя, который уехал в командировку на тот свет. Никто пока не знает, вернётся ли герой и что у автора на уме. Построит ли он реалистический сюжет, в котором все стороны треугольника равны, и это будет клиническая смерть, или его фэнтези уплывёт в сторону и закажет такую музыку, от которой мурашки по телу и тошнота в душе.

В любом случае кто-то останется в выигрыше: толстокожий – от жирных мурашек, чувственный – от печали по неизвестному.

Полумрак тихо вполз в комнату, улёгся поудобней и, посапывая, стал наблюдать. Затрясся мобильник, чиркнул по зеркалу солнечный зайчик. Рука нащупала трясуну, придавила, упала на одеяло и, соединившись с телом, вместе с ним проснулась. На стене зайчик распался на радугу.

Улыбка явилась сама, как та девушка с мороза, плач металла растворился в утреннем свете и звуках юного дня.

Трах-тах-тах – заскрипела тахта, ду-у-ду – задудела вода. Зажурчал чай. Все говорили на своём языке, всё звучало по-

русски без слов. Тема звучала актуально, публицистично, завязывался узелок. Герой тоже гудел, журчал, шуршал, хлопал и даже чавкал, придавая мгновениям необходимую прозаичность.

«На свете так много хороших людей, а мне в последнее время так не везёт – всё сволочи попадаются». Такая нехорошая мысль просквозила и сшибла со стола утренний хрусталь – и всё вдребезги! Веник и совок уже не помогут, потому что теперь осколки будут лишь добавляться.

«А почему ты считаешь, что начальники могут быть хорошими людьми? Таких, каких ты встречал раньше, теперь быть не может. Быть добреньким за казённый счёт каждый может. Своя же рубашка не должна прилипнуть к телу, поэтому лучше потеть за счёт других, тем более в стране, в которой олигархов назначают».

«Ну не выбирать же их на выборах!»

«Не надо ни выбирать, ни назначать. Всем надо становиться самому. Вот и всё».

Каламбуриное какое-то! Легко рассуждать или поучать. Всё идет как по маслу, но как тошно!

Осёл кричит с экрана телевизора. Журналист с артистом соревнуются, кто-то спаривается, кого-то спаивают.

Вылетел из дома, как пробка из шампанского горлышка, сзади пузырьки, впереди потолок дороги. Хорошо бы пересесть на танк и продавливать себя в будущее...

Но великое ли будущее, если мысли такие... какие-то...

мелкие, что ли? То футболист Аршавин со своим «Зенитом» финтит в голове, то шляпа артиста Боярского. Шляпа-то к башке артиста навсегда приклеилась, и он, наверное, и в постели её не снимает. Но я-то при чём?! Влипнуть в память, как поджигатель храма Артемиды... Протопиар в действии! Партийные съезды голосуют: Карфаген должен быть разрушен! Вопрос только – чьими руками? Руками Стабилизационного фонда – ответ. А чей Карфаген? Американский, российский, китайский? Тайна. Неважно чья. Важен процесс разрушения вавилонско-торговых башен. Отпляшем на площадке своё шоу, снимем сливки, сольём их на экраны, слижем с экранов, а потом будем гордо сознаваться, что «телевизор не смотрю!».

Отпляшен-америкашен, рашен-отпляшен, рашен-америкашен. Фи-ло-ло-гия. Сюда бы ещё китайский иероглиф, да где возьмёшь... Впрочем, скоро найдёшь где угодно.

«Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!» Молодец классик! Как далеко заглянул в наше будущее! Теперь в сетях любого кинофестиваля быются мертвецы. И побеждают! А вы говорили, что нет преемственности. И связь, и преемственность налицо. Тем более что умирают-то все. Или почти все. И классики, и потребители. Но классики всё же бессмертны, так же как и потребители. Все принимают эстафету из рук своей команды. Или командос...

Перечитай,
Толстого и Чехова перечитай! —

на популярную мелодию, помнишь, итальянец пел?
Или:

Обама, Барак Обама!
От Медведева пришла Вам телеграмма.
Зачем вы голову морочите нам кризисом?.. —

на мелодию популярного ансамбля из Океании, кажется.

Читайте, привыкайте, любители стиля. Только востребуйте, я такого наверчу да накатаю! На ровном месте падать будете, сволочи!

Опыты над табунами

Сначала я себе не верил, думал, что это от мнительности моей, от комплексов. Но потом понял: это явление социальное и надо рассматривать его внимательней.

Так вот, с некоторых пор у меня отношения с друзьями стали портиться. Вдруг стал замечать, как в дружеских глазах огонёк появляется кулацкий, а в голосе холодок стального цвета. У меня от этого даже иней по коже стал пробегать. Именно что не мурашки бегут, а иней.

У меня нет лошади. Ну, нет этих табунов, в мотор загнан-

ных. И живой кобылы тоже нет. Нет бы и нет, ничего страшного. Общечеловеческий транспорт есть, может выручить. Да и у друзей ведь эти табуны водятся... В случае чего выручить могут. Ездят в основном пустыми на этих коробчонках, можно хоть мной наполнять частично. И других-то людей подбирать можно было бы, но законов напринимали, чтобы не сливались судьбы людей под одной железной крышей и не образовывались бы ячейки общества неподконтрольные и неподкупные наши демократические. Чтобы не затевали чего-нибудь подозрительного.

Итак, появились у друзей колёса... Тут хочется заржать, как живая лошадь, скорбно и печально.

Стал опыты по этой теме проводить, чтобы выявить тенденцию. То одного друга прошу подвезти, то другого. Подвозят с разной скоростью, а эффект возникает одинаковый...

Нет, когда на близкое расстояние – тогда с удовольствием даже везут и гордятся своим подвигом. А вот если куда подалее – тут труба. Даже если по пути.

С первого взгляда всё нормально, мол, ноу проблем, дружище, о чём речь! Но тут же мой наппрягометр начинает фиксировать учащение дружеского сердцебиения и повышение межличностного давления.

А ведь все мы продолжаем находиться в гуще трудового народа.

И тут я задумался и сам на себя посмотрел со стороны. Уловил вот что.

Стоит купить какую-то вещь приличную, начинаешь гордиться собой. Идёшь, например, в магазин в новой бейсболке или куртке и чувствуешь, что ростом стал выше, плечи расправились, взгляд приобрёл осмысленность. А если в ботинках новых идёшь, а они ещё и поскрипывают – тут уж на всех сверху поплёвываешь, девушкам улыбаешься, с женщинами заговариваешь. Наступает полная свобода.

А ещё, если сядешь к другу в новый «лексус», сразу начинаешь различать марки других автомобилей. На какую-нибудь «ладу» уже и не глядишь, фыркаешь, «фольксваген» не замечаешь, и все транспортные утехы становятся значительными, как высота для вольной птицы.

Выйдешь из такого авто и начинаешь понимать, что раздражаешь друзей своими запахами, разговорами на политические и женские темы. Ведь думы людей на колёсах отличаются от дум пешехода, как чемпион от перворазрядника. И пусть я в этот момент тоже качусь, но ведь весь мой менталитет переполнен впечатлениями пешехода, ждущего зелёного света на Рублёвском шоссе. А рубль живёт по законам бивалютной корзины, кондратьевских циклов и никак не соотносится с твоими печалью и заботами. Ему Сорос интересен и собственная цена на 95-й бензин.

Короче, меня мой самый хороший друг даже в баню не позвал. А ведь обещал, когда строил, сразу позвать, в первый заход. Боится, что я его баланс и соотношение с внешним и внутренним миром разрегулирую. Особенно если правду

какую-нибудь расскажу. Ведь у каждого полёта – своя правда. А если летящий гусь правды сталкивается, например, с самолётом, то гудящее чудовище может рухнуть, как Кощей Бессмертный от стрелы Ивана-царевича. Я и есть, наверно, этот опасно летящий гусь. Хотя, может, есть надежда и на звание Ивана-царевича... Кто знает...

Вот такой классовый ужас нарисовался. Тут Маркс обнаруживается на заднем сиденье и отдыхает, набираясь новых сил на новом витке истории.

Происходит какой-то крах амбивалентности и мультикультурализма.

И тут начинаешь уже думать о непрекращающейся инфляции и связке евро – доллар в связи с открытием Банка БРИКС.

Думаю, что читатель проникся стилем, поэтому далее произвол будет нарастать. Не надо только забывать, что любой хаос со временем обретает признаки гармонии.

Кит

– Насос включился! – слышится голос, сопровождаемый матерком отставного маэстро, живущего в деревне уже восьмой год.

Засуха. Дачница поливает картошку из шланга, который наполняется насосом, забирающим всю воду из ручья. Всю

воду. Дом дачницы стоит на околице, там, где втекает в деревню ручей – единственное спасение в засуху деревеньки, населённой летом другими дачниками и одним местным жителем.

Все ждут окончания полива картошки. Тогда-то и начинается работа. Все спешат забрать втекающую воду. Одни наполняют бочки, другие – банные ёмкости, третьи – третьё.

Когда-то в деревне было с десяток колодцев, но после заготовки леса, проведённой мобильным коллективом истребителей деревьев, сопровождающих тяжёлую технику, похожую на стратегические бомбардировщики, вода ушла и добыть её можно было только с очень большой глубины. Но в деревне осталось всего два глубоченных колодца, у которых иногда скапливалась очередь за питьевой водой.

Всё началось с губернатора, провозгласившего в девяностые, что область, обладающая такими богатыми лесными ресурсами, должна заниматься только лесными ресурсами и что пусть земли сельскохозяйственного назначения зарастают лесом, который будет расти сам, вместо овса, льна, ячменя и ржи. И животноводства не нужно. На лесные деньги можно будет и мясо закупать, и молоко, и всё остальное. Так и сделали.

Поля стали зарастать деревьями и кустарником. Пилорамы расплодились, заняли места коровников. Три фермы закрылись. Местные коровы стали покидать дворы местных жителей. Из тридцати кормящих бурёнок к концу второго

десятилетия от начала губернаторской программы на руках жителей ближайших четырёх деревень осталось три головы двенадцать копыт.

А тут ещё этот Насос появился! С большой буквы, потому что так прозвали тётку Таню – обладательницу самого мощного насоса в деревне. С ней пытались соревноваться, но что толку! Ведь её дом стоит первым в очереди к ручью. Никаких сельских сходов не соберешь с этими дачниками! Они, понимаешь, прописаны в городе, а здесь они свободные граждане, никому не подчиняющиеся!

Появились, правда, партизаны. Они перерезали шланги или ломали насосову плотину в ручье, но Насос установил камеру видеонаблюдения и засёк террористов. Им пришлось по-хорошему отрабатывать барщину, установленную Насосом, во избежание привлечения к суду.

Вскоре открылась новая опасность. Леса в области поределели, и уже новый губернатор задумался о судьбах родного края. Он нашёл выход и разработал программу добычи полезных ископаемых. Искали их долго, но нашли. Ими оказались залежи песка. На этих песках стояли леса и населённые пункты вроде деревеньки с живущими здесь насосами. А тут ещё подвернулось, кстати, строительство федеральной дороги грандиозного назначения, и торговля песком пошла в гору. Правда, горы вокруг нашей деревеньки стали пропадать и вода в глубоководных колодцах стала убывать. Да и ручеек стал тошкать.

Задумались люди. Не знали, что делать: или продолжить борьбу с Насосом, или замахнуться на высшие силы? Задумались-пригорюнились. Кто-то стал искать путей спасения через свои городские связи. Кто-то приготовился сматывать удочки из этого благословенного уголка природы, теперь уже почти проклятого места.

Маэстро стал говорить, что просто климат меняется, теплеет и потому надо привыкать жить по законам полупустыни. Ведь живут же там люди. Мол, арабов-мигрантов можно пригласить для делёжки опытом. Но это предложение не было принято населением деревеньки с энтузиазмом. Даже напротив: кто-то выбил реформатору стекло в доме, и маэстро даже написал в местную газету заметку о ксенофобии жителей области.

Заметку благополучно замотали, а в администрации был поднят вопрос о бурении артезианской скважины.

Но лето заканчивалось. В августе прошли обильные дожди, и вопрос нехватки воды как-то, как всегда и было раньше, перестал быть актуальным. Дачники подсчитывали свои запасённые за сезон соленья, закатки, добавив к ним ещё и грибные составляющие.

А однажды все даже собрались на отвальную Маэстро. Он всех обнял и сказал, что уж в следующем-то году они всем миром решат все насущные вопросы, и пожелал всем благополучного и радостного зимнего пребывания в городе. И даже всплакнул. Последней уехала Насос.

Только остающийся зимовать в деревне Лёша, единственный местный житель, не задумывался о будущем. Он с удовольствием сидел на всех отвалных, если они были, курил свои ядовитые сигареты и получал удовольствие от выпитого спиртного и съеденного закуского, обещая дожить до следующего года и рассказать всем всё, что произошло без них.

В следующем году деревенька стала похожа на сказочного кита и одновременно на средневековый замок на горе посреди озера. Карьеры вокруг деревеньки заполнились талыми и грунтовыми водами, и не хватало только Конька-Горбунка, чтобы в один миг оказаться в этом чудесном государстве.

Вода вернулась!

Щепки

Под окнами то ли огород, то ли луг. Большущие старые яблони, старательный прямоугольник грядок. В стороне поле картошки. В низинке сломанная яблоня и много сильной травы, где-то скошенной, а где-то высоко взметнувшейся. Дальше взгляд радостно скачет по макушкам рябин, лип, ольхи. И над всем этим зелёным, мощным склоном царит плакучая берёза. Но царит она не как сторожевая башня, а как матушка, зорко следящая за детьми. А может, она ждёт или провожает нас. Кто знает...

Дальше взгляд уходит в небо. Улетает, как лыжник с трамплина, и надолго задерживается в облаках.

– Настя, пойдём за щепками, – слышится через открытое окно уверенный голос бабы Насти. Сказано так, что не от-вертишься. Вздремнувшая было после купания Настя вздра-гивает. – У вас и растопки-то для печки не осталось, а Миш-ка баню подрубает, полно щепок-то.

Хочется заплакать, но Настя подчиняется, берёт корзин-ку, и выходит на улицу.

– Где мать-то? – строгий голос бабы Насти заставляет со-ображать и всегда быть настороже.

– Да в магазин пошла.

– А что мне не сказала? Мне спичек надо купить. А она ведь и грядку вон не дополола. Пошли.

Баба Настя сразу, как только новые дачники приехали в деревню, взяла над ними шефство. Так в советские времена отличники в школе и лучшие рабочие на производстве брали «на буксир» отстающих и отлынивающих от своих прямых обязанностей товарищей.

Пошли они почему-то не прямо к бане, а кругом, сначала вдоль ручья, а потом по тропинке к роднику. Пели комары, цвиркали птицы.

– Стой! Ложись! – вдруг громко зашептала провожатая и, схватив за руку Настю, пригнула девочку к земле. – Мишка едет. Переждём.

Мишка, которому шёл седьмой десяток, проехал мимо на лошади.

– Бежим!

Добытчицы потрусили к бане, быстро набрали щепок и двинулись было назад. Но баба Настя опять взяла Настю за руку, остановила её.

– Он хоть и родственник мне, но вредный мужик. Любую щепочку пристроит, за любое пёрышко удавит.

Она ещё продолжала что-то говорить, а Мишка, уже без лошади, приближался к ним, улыбаясь. Подойдя, одобрительно мотнул головой.

– Молодец, Настя, будет хоть чем печь растопить. А то с дровишками у вас пока плохи дела.

И непонятно было, к которой Насте были обращены эти слова. То ли он одобрял действия маленькой Насти, то ли бабу Настю хотел подколоть.

Но скорее всего он видел, как залегали в траве две подружки, и потому глаза его весело блеснули.

Коралловый миф

У меня особые отношения с этим склоном, с этим зелёным прекрасным чудовищем. Он не суров, но и не романтичен. Он сам по себе. Он вытянут. Он беспечен. В нём живут родники. В родниках серебряная вода. Сосед Жора возил её на анализы в Петербург. Как будто склон болен, а Жора заботится о его здоровье, возит на анализы продукты его жизнедеятельности. (Порочный круг ассоциаций.) А Жоре стало интересно потому, что из Жоры вышел чудесный камень.

Он всем его показывал: серо-коричневый, внешне похожий на коралловый риф – с зазубринами и острыми вершинами. Все удивлялись: и как это он вышел из Жоры, проделав путь от почек до выходного отверстия! Жора всем предлагал потрогать этот его почечный риф, но все пугались и прятали руки за спину. А «именинник» радостно улыбался, и было видно, что он счастлив. Теперь Жора хранит ценный камушек за стеклом, в специальной коробочке. Кто хочет взглянуть и потрогать – звоните. А у кого есть подобные залежи в организме, советую узнать адресок.

А ещё из склона вытекает Святой ручей. Там раньше и часовня стояла, прямо над ручьём. В праздник Параскевы Пятницы сюда приезжал митрополит Новгородский, служил молебен. А вокруг ярмарка клокотала, народу тьма, и леса не было, а были сплошные поля. И народу в округе было только мужского пола 3 тысячи. Теперь-то и трёхсот не соберёшь обоих полов.

Пока я нащёлкивал эти строки, в небе из облаков сформировался огромный крылатый субъект, не знаю, какого рода и звания, но довольно светлый. Заглянул в окно и весьма быстро удалился, а за ним проплыл облачный крест, как на Андреевском флаге.

Это стоит июль. Грозовые облака создают удивительный сериал года, не надоедающий, но притягивающий взгляды людей.

А с холма-то смотреть дивья, как говаривала моя мама.

Коммуналка

Настойчивые, а возможно и нагловатые, трясогузки верещат. Они, видите ли, поселились в нашем летнем домике под самым коньком и теперь выражают своё недовольство тем, что мы приехали и тоже здесь поселились. Они вселились в апреле, а мы в мае, поэтому считают себя хозяевами дома. Недовольны тем, что я сижу перед окном на первом этаже, даже его не открывая, и скачут передо мной демонстративно, настойчиво и трепетно.

Птенцы, видите ли, у них вылетают...

Склонное

Длинное облако, почти отражение склона, сбросило десант дождя, но он такой мелкий, что я понял – это само облако. Но небо опять закудлатилось. Вдали вдруг распахивается синь. У нас здесь всегда так: какая бы погода ни стояла, но на закате всегда появляется солнце.

Ну вот, посмотрел очередную серию. Пора идти ужинать. Не тут-то было – опять забарабанил дождь. Придётся переждать. Чуть косенький, но очень уверенный, колотит по крыше, как оратор на телешоу, дождавшийся наконец слова. Но синь, как нахрапистый телеведущий, резко обрывает его и

даёт слово не рекламной тишине.

Термос

Если девочка с аккордеоном взволнованно и сосредоточенно ждёт учителя и вдруг покажется, что опять вернулись тридцатые годы двадцатого века, не спеши делать выводы.

В термосе тысячелетий всё сохраняется довольно долго. Дети щебечут, собираясь в кучки. Но ты тоже сумей сосредоточиться, как та девочка. И не надо придумывать аналогий. Даже если Гитлер и вернулся, хоть мысли и скачут, скажи: «Чур меня!» Это древнее приветствие. Они его боятся. «Отведи от меня чары!»

Все задумались о крови. И не о запахе её, и не о цвете. О её близости. В кучки собираются по её близости. Рядят-судачат. Присматриваются друг к другу. Начинают говорить друг другу комплименты. Повторяют их. Потом ещё и ещё. Говорят, мол, как хорошо нам вместе, как мы хороши. Как хорошо мы поступаем. Поэтому надо что-нибудь построить. Можно канаву, можно стену. Главное, чтобы было в честь нас.

Мотивировки

– Одной моей родственнице всегда 25 лет, но я уже даже

не помню, сколько ей точно. И новенькой её не назовёшь. Моей бабушке 75. Но ей на 12 лет меньше. Она почему-то прибавляет себе всегда только двенадцать лет, – говорит она.

Другая знакомая убавила своей маме пять лет, чтобы на кресте стояла дата, удостоверяющая, что она была не старше, а моложе лежащего рядом мужа.

Операция

Вислоухое утро радостно повизгивало и посвистывало. Лаковые листья еще не шелестели, но уже распоряжались ветром. Майский тренинг напрягал чувства, проверяя их на свежесть, а на тропинках партизанили в засадах необыкновенно размножившиеся в этом сезоне клещи-националисты. Они казались таковыми, они были неприятны, как скачущие на площадях люди, забывшие своё достоинство, стянутые ниточкой бьющего в синей жилке пульса.

Они, клещи, эти маленькие и черные создания, стали даже проникать в дома и даже дважды спрыгнули на Марину Васильевну с потолка, подобно родственным им кровососущим – клопам, но оба раза с криками и воплями были раздавлены и отправлены в печь. Но третья попытка оказалась удачной, и очередной злодей был обнаружен ранним утром уже впившимся в заднюю поверхность бедра пострадавшей.

Все были разбужены, все были возбуждены и перепол-

нены сочувствием Марине Васильевне, хотя и желали ещё спать. Хоть положение было и комичным, но надо было действовать. Тут же привычно обнаружилось подсолнечное масло, валерьянка, сделан ватный тампончик, пропитан обильно маслом и наложен на клеща. Вскоре тот, как и положено, почувствовал дискомфорт, стал задыхаться и вынужден был в поисках воздуха высунуть свою маленькую, глупую, но упрямоклещевую головку. Для страховки подлили ещё масла. Затем капнули пару капель валерианы. Говорят, лучше бы волокардина, но за неимением одного можно валерьянку. Это вообще, говорят, приводит злодея к параличу. Он расслабляется, и тут надо хватать его за лапки и голову – и выдёргивать из страдающего тела.

Из Марины Васильевны данного паразита извлекли хирургическим пинцетом. Все вздохнули с облегчением.

Между тем, надо заметить, что в те дальние времена, когда всё было дёшево, а маме казалось, что дорого, советские авиаторы с замечательных самолётов-кукурузников регулярно опрыскивали каким-то зельем поля и леса и все мы ходили по лугам-лесам в одних рубашках. Конечно, так ходили только те, кто не боялся комарья, слепней и других таких же непоседливых крылатых. Тогда этот вопрос был практически решён. Но опыт тоталитарного строя нам не указ, поэтому есть сеть определённых бизнесменов, накинутая на страну, якобы решительно и безусловно решающая вопросы обработки тел дозами малых медицинских препаратов. Малых,

НО ЗЛОБНЫХ.

Варяжский гость

Уж и не знаю, кого напоминает этот юноша. То он покажется молодым подосиновиком, еще не распутившим свою шляпку, то явится вялоподобным фаллосом. А то вдруг предстанет героем сказки, крошкой Цахес или просто маленьким, светлым старичком.

Все ждут от него мировых рекордов. И он их устанавливает. Но устанавливает всегда только за рубежами родины... Особенно велики его успехи в Европе. Там он, встречаясь с элитой мирового спорта, раскатывает её по всем параметрам.

Он выбегает на дорожку бодрый и энергичный, с боевым наклоном вперед. И только взгляд исподлобья и подчеркнутая решимость выдают его волнение.

Страшная метаморфоза происходит с ним на родной земле. Как будто его подменяют, как будто он становится здесь маленьким робким мальчиком, желающим отличиться, но не знающим как.

Он говорит решительные слова, делает энергичные телодвижения, старается дышать глубоко и привольно. Но слова его звучат неубедительно, движения не имеют полной амплитуды, а воздух доходит только до середины легких. Что делать! Он нравится болельщицам, они скандируют его имя,

они ждут от него домашних побед. Но победы остаются за рубежами родины, а на родной земле он проигрывает малоодарённым атлетам, робок на дорожке, и тренерам за него стыдно. Хотя тренеры знают, что всё равно основное дело он выполнит – «сделает» этих самоуверенных европейцев и побежит рядом с сильными американцами. Он и американцы, а на финише он их накатывает! Красотища!

Но приходит Олимпиада, он накатывает. Он выигрывает. Но медали отдают американцам, потому что в крови его какое-то лишнее лекарство, которое они назвали допингом, а у него нет справки о том, что он норвежский астматик и лекарства ему, как норвежцам, необходимы, так как иначе ему нечем будет дышать.

В этих мучениях проходит его карьера, уходит драгоценное время. Светит лишь одно – остаться в памяти соотечественников красивой легендой о варяжском госте.

Но чудеса на свете бывают. Он смог. Сумел однажды преодолеть себя, вырвать этот молочный зуб, прикрутив его проволокой и привязав её к двери исторической справедливости, и стал победителем. Никто точно не знает, как это произошло. Кто открыл дверь? А зря. Ведь всем хочется кем-нибудь стать. Все и стали. Наблюдателями.

Боты

Колодец

– Лес рубят – птицы летят, – сказал я и плюнул в окно. Окно оказалось Интернетом.

– Зачем плюёшь на головы людей? – гордо отозвался аноним.

– Какие головы? Там люди не ходят.

Налетели птицы, закидали ботами.

Сижу теперь, примеряю. Пытаюсь найти парные.

Пара первая

1

Чтение Платонова закончилось для него катастрофой. Сначала казалось, что он в восторге. Шелушки страничек снимались с книги, как с луковицы. Он с радостью доходил до сути. Суть творчества. Суть жизни. Шелушки снимались, но не кончались и как будто превращались в яйцо Кощея. Жизнь уходила и становилась душевной. Он желал достигнуть сердцевины яйца-луковицы, постигнуть жизнь Кощея. Он

хотел лишить Кощя жизни, но получалось как-то тухло. Не то чтобы яйцо было тухлым. Не хватало света и воздуха. Он подумал, что ничто никогда не кончается. Только жизнь. И захотелось наконец свежего ветра. Он распахнул окно и выкинул книгу. Она летела прерывисто и быстро, то захлопываясь, то расправляя крылья. Вздохнулось легко. Оказывается, чудо доступно.

В небе парили чайки.

2

Почему его раздражает Набоков? Он не может смотреть на его фотографии, где тот в коротких штанишках в упорении бегаёт за бабочками. Вот Набоков умными, проницательными глазами смотрит в объектив и очень гордится собой. Этим взглядом он кого-то вышаривает в будущем. Наверное, понимает, что на него будут смотреть ТАК. Он хочет презирать смотрящего ТАК, но не может выделить его в мареве будущего, в пейзажах Иловайска, Смоленска, Триполи. Хотя Триполи и Смоленск ни при чём. А в Иловайске у кого-то живёт любимая девушка. Набокову девушка не видна тоже. И ему обидно. Мёртвые бабочки напоминают арматуру. Она залита бетоном времени вместе с пылью и пыльцой.

Музей арматуры и фотографии бегающего за арматурой человечка – вот что такое музей Набокова.

Боты непарные

1

Когда произошла расфукусимировка, все ждали конца света. Глобы распоясались, астрологи заняли места звёзд, деньги окончательно стали гнать составами на Кипр, который был похож на пловца с пузырями долларов и евро на ногах. Именно тогда Никите вдруг вспомнилась песенка, которую любил напевать его дядя. В песне речь велась об Уверлее: «...и взял с собой-ой-ой он пузыри-ри-ри, сам плавать не умея». А заканчивалась она так: «А голова-ва-ва тяжельше ног-ног-ног осталась по-од водою».

Но вообще-то деньги гниют быстро. Вскоре эти слова получили подтверждение.

1а

Прошло чуть-чуть времени. И на Кипре стали конфисковывать деньги. Зажали банкоматы в тиски. Кому-то Кипр отрыгивается до сих пор. И ничего. Подсунули теперь Грецию. Все смотрят на Грецию. Жить интересно. Будем ждать, когда деньги и цены окоченеют. Безнал, что ли? – спросите. – А что это? Да имя нового человека – Безнал.

Всех ждёт обнуление. Это когда думаешь, что деньги есть, а их уже нет. Ни в безнале, ни в реале.

Она (Ещё три бота)

1

Она утвердила свою независимость, приняв сигарету, и умножила своё состояние королевы броском колена на колёно.

Она не желала быть кухонным придатком даже посудомоечной машины.

Она посмотрела в окно клиторно-вызывающе, волна чего-то необдуманного прокатилась по её телу.

Ребёнок в кроватке ворковал, как голубь, и собирался на прогулку.

2

Посуда стояла смиренно и не собиралась бунтовать. Но бы-

ло как-то тревожно смотреть на неё. Да, чистая стояла вертикально и стройно, была сухой и не скользкой. А вот грязная – вызывала подозрения.

Во-первых, она лежала, нагло раскинувшись, остатки пищи вызывающе приковывали к себе внимание. Было ещё в этом безобразии что-то маргинальное, панибратское. Этот оранжевый жир, капустные пряди, размазанные овощи, бесформенные шматки мяса...

Но хаос как будто сбивался в банды и группы. Три маслины на блюде уже будто организовывали партию центра. Фигурка из варёной моркови явно метила в диктаторы.

Брошенный в раковину кусок студня расплавился и превратился в серую медузу.

Хозяйка вздохнула, надела фартук и начала борьбу с посудным хаосом, чтобы покончить с этими ассоциациями и социальными потугами.

Она взглянула в окно. Начинался снег. Первые хлопья сразу почему-то напомнили мохнатые лапы огромного белого паука. Он обхватывал землю, перебирал лапами всё, что находилось на её поверхности. Он был сыт, но присматривался к будущим жертвам.

Аня, так звали хозяйку, встряхнула головой, чтобы остановить этот навязчивый клип. Но образ паука не покидал сознания. Почему-то вспомнились руки Славика. Их обильная растительность раньше очень привлекала и даже возбуждала её. А теперь стало как-то неприятно и даже обидно. Надо

же... Славик и паук... Блокбастер какой-то!

Она вдруг села, обхватила голову руками и, пробормотав: «Так и крыша может съехать!» – стала раскачиваться и подвывать. Потом задумалась.

Подруги ей рассказывали, что такое бывает. Бывает, когда близкий человек становится вдруг чужим и постылым, хотя вроде бы и поводов для этого не давал. Но всё накапливается постепенно. Капельки слёз падают в маленькую ранку, расстраивая её, копейчки огорчений образуют банк неприязни.

Вдруг вновь возник больной и навязчивый образ грязной посуды, которую надо революционно домыть, смыть коррупцию, предательство и тупиковость. И ни в коем случае не глядеть в окно, пока его не занесёт снегом.

Так и проходит жизнь. Не радуется ни новая моечная машина, ни предстоящая поездка на золотой курорт.

3

Приняв следующую сигарету, она утвердила свою независимость, а броском колена на колени умножила.

Сбоку горела лампа, и голова женщины, казалось, создавала нимб. Он глухо отпечатывался на стене, которая переливалась отблесками рекламы соседствующего торгового центра.

Но дело было дрянь. Душа её соскочила с орбиты, но не покидала брэнного тела, а металась и билась в поисках тихо-

го пристанища. Глаза курящей смотрели в туманную глубину стены, ища тропинку в тихую благодать.

Богу не было всё равно. Бог не хотел читать её душу. Он задумался.

Отбросив боты

Идёт человек, оглядывается, ищет что-то, задумывается.

– Сюда! – зовёт его трава зелёная. – Я укурю тебя своим зелёным одеялом, дам тебе свободу роста. Ты будешь деревом, а если захочешь – лесом. Птицы будут любить тебя, люди не смогут жить без твоих сокровищ. Они будут создавать песни, будут петь тебе гимны. Облака дадут тебе влагу, родники силу. Ты будешь нести в себе мистическую мощь, и никто тебя не сможет познать до конца.

Идёт человек, колеблется. Хорошо ему в лесу.

Долго он идёт в своей задумчивости и восходит к небу, в белое царство снегов, которые тихо поют свою песню.

Но не слышит человек этой песни. Он видит перед собой звёздное небо. Там, в его глубине, есть другая жизнь. Он хочет познать её. Он хочет быть небом.

Вот так ходит-ходит, а потом понимает свободу своей глупости.

Двое с дождём

В комнате сидели две женщины и смотрели на мужчину. Он тоже сидел, но, глядя на него, можно было подумать, что идёт дождь. Мужчина сидел смирно, но женщины продолжали смотреть на него. Послышался лёгкий шум. Листва заговорила.

Дождь усилился, стало неудобно и влажно. Стало трудно понимать, то ли дождя стало больше, то ли мужчины меньше. Женщины сидели дружно.

Пахнуло сырым ветром, блеснули мокрые листья. Дышать стало легко. Стукнула форточка. Женщины открыли окно и стали смотреть в него. Дождь кончился. Звёзды качались, как стаи кувшинок и лилий в тёмном озере, когда в него входят купальщицы.

– Хорошо, правда?

– Это какое-то чудо!.. Такая свежесть...

– А где же папа?

– Появится, как только соловей защёлкает.

Встречка

Гость

Приехал Генка в страну Обангличанию. Чувствует: что-то в их языке неправильное установлено. То ли вирус, то ли микроб, то ли спонсор какой не обналиченный завёлся.

Все в этой стране ходят, присматриваются друг к другу, присмотревшись, осторожно спрашивают: «Вы из какой колонны?»

Одни не совсем понимают, отвечают, что из колонии строго режима. Иные, прижав пальцы к губам, шепчут на ухо: «Я из пятой. И вы хотите влиться?» – Нет, – отвечает на всякий случай Генка, – я из партии колумнистов. А ищу я шестую колонку.

Тоталитарная жилка

Встречаю как-то приятеля на Невском. Весь лоснится, блестит, и блеск этот с него прямо капает. Спрашиваю, в чем дело, отчего сало с него течет. Участвовал, говорит, в конкурсе сального анекдота, первое место взял. И приз, говорит, дали. Какой приз – не говорит, и за какой анекдот – не рассказывает.

Поговорили мы про сальные анекдоты. Всё, говорю, анекдоты сальные тебе не к лицу, у тебя другой профиль. На римский похож. Подумай насчёт профиля.

Прошло время. Опять встречаю этого своего приятеля. Идёт, глаза бегают, под юбку каждой встреченной женщине заглядывают и всю, так сказать, подноготную выявляют.

Спрашиваю, что случилось, какой порок тебя опять настиг?

Судил, говорит, конкурс красоты, так называемый, выявлял прелести красоток, на места ставил и не может теперь остановиться – взгляд ужасно профессиональным стал: тонким, наблюдательным, всё замечает, всё фиксирует на своё видео.

Нет, друг, говорю, так не пойдёт, ибо даже стоять рядом с тобой становится совестно. И вообще какой-то ты чересчур последовательный: то сальные анекдоты, то девки конкурсные. Придумал бы что-нибудь пооригинальней, посолидней.

Расстались мы, потолковав.

Через полгода опять встречаемся. Идёт, руки широко разводит, глаза вытарашенные, каблуками притопывает. Весь жизнерадостный и улыбчивый.

– Вот, – начинает почти без разбега, – конкурс фольклорный организовал, люди собираются, радуются, пляшут, поют хором.

– А что поют-то?

– Да частушки матерные. И так получается хорошо, ладно!

– Ну вообще твоя эротическая чехарда слишком уж, с одной стороны, разнообразна, а с другой стороны, не хватает тебе всё-таки специализации. Выбери что-нибудь одно и работай в этом направлении. Раз уж порок тобой овладел окончательно, то уж иди по этому путеводному тупику дальше.

В следующий раз он мне на глаза сам нагло вылез – видно, что прямо искал встречи, чтобы похвастаться успехами, а может быть, чтобы сделать мне неприятное...

Вот вылезает он на глаза мои нахально и начинает беседу. А свои глаза сам всё куда-то направляет и как будто взвешивает что-то взглядом.

Догадался я, в большой печали, о новом его достижении, о специализации нынешней. Это он всё на груди человеческие, к счастью, пока женские, глядит.

Объясняет – молчал бы уж лучше! – что стал крупным специалистом по размерам и красоте женской груди: размер

угадывает безошибочно, а уж вес – плюс-минус три грамма.

– Но знаешь, – признатся, – иногда тошнить начинает, как беременных при токсикозе. Когда отсмотришь одно место в течение пяти часов, то начинаешь думать, что вся земля – это то самое место и что город стоит на этом месте, что живешь не под небом, а внутри груди, и так хреново становится, не можешь себе представить! А вообще у девок этих, накачанных и наколотых, груди так перевешивают, что от тяжести они радикулитами мучаются.

– Сгинь с глаз моих, подлюка! – закричал я. – Если ещё раз подойдёшь – убью! Меня тоже уже тошнит, но уже от твоих заморочек. Знаю, чем, пёсья морда, закончишь. Закончишь ты транссексуальным либерализмом. И зарюют тебя на специальном кладбище, из стекла. Скоро будут такие. Там будут зарывать телевизионщиков и таких, как ты. А потом будут наблюдать, как разлагаетесь. И очередь, чтобы понаблюдать за вами, будет больше, чем в Мавзолей и Третьяковку.

Музейный работник

– О-о! Давно не виделись! Привет, привет, дорогой! Ну, нашёл свой путь в жизни? Ведь нашёл, по тебе видно. Давай рассказывай. Чем занимаешься?

– Музейным делом.

– Ух ты, здорово! А то я думал, что ты ещё на бирже спекулируешь.

– Во-первых, на бирже я играл. Всё ведь лучше, сначала думал, чем по танкам палить виртуальным. Да, играл на бирже. Но ведь это тоже всё виртуальное. Хотя и выигрывал. Но очень нервно это. Организм истощает. Завязал, когда понял, что хочу на аукцион выставить собственную квартиру вместе с женой и детьми... Понял, что голова превратилась в полигон для утилизации реальности. И вскоре понял, в чём моё предназначение. Вот тогда и стал музейным работником.

– А как музей-то называется?

– Музей великих экскрементов.

– Экспериментов?..

– Да нет, ты не ослышался. Именно экскрементов. Ты ведь слышал, наверно, что искусство сейчас актуализируется, переструктурируется и вообще превращается... Превращение это, ты сам знаешь, проходит болезненно. Порой с кровью. От неправильного пищеварительного процесса, от перенапряжения. У женщин, как известно, всё происходит циклич-

но. В них есть стремление к гармонии. А гармония сейчас вообще неактуальна. Она ушла в Чёрный квадрат Малевича. Я так теперь всем и говорю, по принципу объявления, помнишь, раньше такие вешали: «Ушла на базу». Говорю: все вы ушли в чёрный квадрат. А вышли из него мы, черти не черти, но совсем другие люди, посвящённые. Он ведь, этот Малевич, известно, мог нарисовать квадрат любого цвета. Хоть красный, хоть синий. Он и по жизни так поступал. Читал я у кого-то: надо – создал эскизы военной формы красноармейца. Ещё надо – создал эскизы формы для эсэсовцев. И та и другая – оригинальны. Обрати внимание, сравни и всё поймёшь. Он действовал как настоящий, великолепный либерал. Одинаково ко всем относился, если платили хорошо. И либералы ведь это знают: пока платят хорошо, войны не будет. Перестали деньги платить – скоро пушки начнут палить, проволоку колючую тянуть, крыши жечь, значит, надо рвать когти! На пушках, проволоке и крышах тоже можно будет какое-то время зарабатывать, а потом – надо валить ещё подальше. Иначе сольют в унитаз. Валить и зарабатывать на расстоянии.

– Значит, Малевич и либералы твои кумиры?

– Это не кумиры, а учебники. Жизнь по ним делать надо.

Здравствуй, Я!

– Да, я хочу свариться в этой ванне. Я буду большим красным раком! Добавьте сюда соли, а то с пивом меня никто не будет кушать! Дайте мне пива, я буду пить пиво и закусывать своей ногой. И ты, Алина, залезай ко мне. Ты будешь креветкой, у тебя белое мясо. Ты будешь крупной креветкой!

Гудела горячая струя, жена Алина суетилась, уговаривая Вову прекратить, выключить горячую воду. И вообще это невыносимо, свинство какое-то. Когда же это прекратится?! Его пьяные выходки выходят за всякие рамки... Алина начинала плакать. Но тут же снова воспалялась, хватала Вову за волосы, за уши, потом перехватывала под мышки, пытаюсь вытащить мужа из ванны, но всё было тщетно. Он кричал, вырывался, обливал Алину горячей водой, а она ужасно боялась его утопить, но ещё больше боялась сварить из Вовы бульон.

В какой-то момент Алина выронила Вову. И он погрузился в воду с головой, а вынырнув, страшно закричал: «А-а-а, сварила голову! Свёкла, свёкла для винегрета, уши мои уши! Они завяли. А теперь они лопнут! Вытаскивай меня скорее! Вытаскиваемся. Как мне плохо. Мне холодно. Я трясусь. Пожалей меня, Алина!»

В этом доме ещё нет старинных часов, но есть дорогие электрические. Они подмигивают цифирьками, считают, считают и мешают жить. Они воздействуют на сердечный ритм. Они подстраивают сердце под свою электронную программу. И время они считают другое.

Они считают время электрических болванчиков. Электрические болванчики дают команды. Сами команд они не получают. Электрическое поле – способ их существования.

– Мы не хотим выходить из-под влияния электрического поля. Электрическое поле даёт нам жизнь. Цивилизация электрического поля должна стать нашей родиной. Как прекрасен электрический ветерок и прибой, ловящий свободные электроны!

Мне тоже хорошо трястись в этом электрическом поле. Я чувствую его глубину и мудрость. Но я делаю почти нечеловеческое усилие. Я отрываюсь от благодати системы. Я слабею и становлюсь робким, глупым, самонадеянным человеком. Я чувствую знобящий ветерок Балтики и утренние звёзды.

Здравствуй, Я!

Самолеты шли не прямо на цель, а заходили бочком, издав далеко, немного напоминая конькобежцев на вираже. Потом они без замаха, лишь слегка вздрагивая, делали пуск, и то, что должно было сделать из людей искры, отделялось, вытягивалось, планировало, наводилось и шло на поражение цели. Страшная сказка навыворот, а значит, уже не сказка, в которой зло всегда проигрывало. Летела утка, теряла яйцо, яйцо падало в океан-море, щука доставала яйцо, Иван-царевич разбивал его, ломал иголку, и наступала Кощеева смерть.

А Кощей сидит в далёком белом дворце, душа его запрятана в глубоких шахтах. И в каждой шахте по иголке. Иголки же подвешены и к брюхам летающих драконов и поражают недругов Кощея.

Ненавидит Коща весь мир. И поразить его может лишь всадник, скачущий по звёздам. Он уже в пути, только подрагивают светила, только вздымается космическая пыль да идут гравитационные волны.

– Эх, была не была! – кричит Иван-царевич Победоносцу.

Тот ещё далеко, но Кощею уже не спится. Много кощевых иголок приближается к людским сердцам. Самые слабые – спящие.

Не спите, люди! Бодрствующий человек должен иметь

особо прочное сердце. Крепите, люди, сердца. Действуйте и творите. Ваше время приходит.

4

Заклокотал лунный тоннель, потекли звёздные струйки, грянуло солнце, полетела голова Кощеева буйной кометой. Покатилась, подпрыгивая. Так и слышится... Тар-тара-ры-тара-ры...

Не сварился Вова, спасла его Алина. Жуликов вокруг тьма, но держится Вова – не верит. Пить не пьёт, но всё прислушивается к чему-то. То ли под машину боится попасть, то ли за душу свою боится. Алина смотрит на Вову, беспокоится, не знает, плакать или радоваться.

Ширь широкая, даль близкая, окна выходят в небо, стул под задницей. Кому как захочется, тот так и поймёт.

А вдруг поэт Астафьев скажет, что это бред?

Разговор

– Да, я бы сейчас от бабы не отказался. Может, и женился бы даже на подходящей.

– А вон Танька. По-моему, ты ей нравишься. Чем не пара?

– Что ты! У нас с ней был роман уже. Помнишь, после женского праздника я пошёл её провожать?

– Ну?

– Ну, ну!.. Да она ноги бреет. Погладил я её по ноге, а как будто по щеке небритой провёл. Противно.

– Во дуры! Насмотрятся рекламы по ящику и начнут изображать из себя невесть что.

Я тоже, перед тем как жениться на Вальке, встретил одну... Ну, зараза! Транссексуалкой оказалась. Значит, мужиком была раньше. Как узнал, так рванул от неё со скоростью свиста. Вот противно-то было так противно. А ты говоришь – ноги бреет! А чтобы бриться перестала, подари ей крем. Знаешь, тоже рекламируют по ящику: помажет – и косынка шёлковая, не зацепляясь, так и стекает по ноге. Совсем другое удовольствие!

– Ха! А если у неё после этого на ногах ещё хуже борода расти начнёт? Что мне тогда покупать?

– А ты не женись пока. Крем подари и не женись. Подожди последствий: увидишь – не растёт, тогда женись.

– Сколько ждать-то? Месяц, год? Не-ет. Уж лучше я дру-

гую за это время найду. Может, повезёт на нормальную...

– Может, повезёт... А может, и поедет.

Кусочек торта

– Осипов – собака... – говорит в телефонную трубку Ираида Протасьевна.

Входит Осипов. Слышит эти слова, начинает кричать.

– Почему же это я собака?! Такого от вас, Ираида Протасьевна, я не ожидал! Я к вам хорошо отношусь, как настоящий художник.

– Вы меня не поняли... Я хотела сказать...

– Нет, говорить уже ничего не надо...

Осипов насутился, сел на стул и замолчал.

– Это же я ваш электронный адрес диктовала! Osipov Собака peterlink.ru.

Ираида Протасьевна уже почти плачет, но ещё улыбается натянуто...

– Да? А я думал, это вы про меня...

– Ну вот видите! А вы сразу плохо обо мне думаете. Вот, возьмите кусочек торта. Наташа на свой день рождения купила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.